

от чисто умозрительного философского созерцания. По их мнению, это не пассивное, но деятельное и творческое созерцание, в процессе которого отдавшийся ему человек *перестроивает* сам себя, совершенствуется в нравственно-духовном отношении и в результате получает духовное наслаждение.

Ведя воздержанный образ жизни, писал Григорий Палама, мы удостоиваемся созерцания Бога мысленными очами и получаем при этом «великий плод» — «самое узрение (θεα) Бога есть устранение всякого греха, {427} очищение всякого лукавства, отчуждение всякого зла. Такое созерцание является творческим началом всякой добродетели, производителем чистоты и бесстрастия, дарователем вечной жизни и бесконечного царствия»; это «сладостное созерцание» (PG. T. 151. Col. 304 B).

Путь к творческому созерцанию, перестраивающему всего человека, труден, но сопровождается постоянными тихими радостями. Тяжелы пост и воздержание, но они, как двойное кольцо стен вокруг Иерусалима, охраняют душу соблюдающего их от житейских бурь и страстей, содержат ее в блаженном покое. Труден подвиг самоуничтожения, пример которого подал людям сам Иисус, но он, как некое духовное точило, обрабатывает умную часть души, выжимает из нее «спасительное вино», веселящее сердце внутреннего человека. «Вино же это есть сокрушенное умиление, которое плачем поражает страсти и наполняет душу блаженной радостью, избавляя ее от непомерной тяжести».

Трудные для мирского человека ограничения естественных потребностей и побуждений открывают подвижнику, по глубокому убеждению теоретиков аскетической жизни, путь к духовным радостям, превосходящим все, доступное человеку в обычной жизни. Эти радости и наслаждения не поддаются словесному выражению, но отцы-подвижники стремятся хотя бы как-то рассказать о них, обозначить их, чтобы направить к ним своих читателей. Высшие и бесконечные наслаждения обещаны человеку в будущей жизни, но заслужить их необходимо уже теперь. Кроме того, многие праведники и подвижники достигают духовных наслаждений и при жизни. Григорий Синаит даже обнаруживает у человека особое «умное чувство», без которого «невозможно чувственно ощутить наслаждение божественными вещами» (Ibid. T. 150. Col. 1272 A).

Само это наслаждение, согласно Григорию Паламе, свидетельствует о сошествии в душу человека божественной благодати, осветившей ее неизреченным светом и начавшей акт совершенствования внутреннего человека, его обработки в направлении уподобления Богу. Палама ссылается в столь трудном вопросе на авторитет св. Диадоча, видевшего этот процесс практически в чисто эстетическом плане: «Итак, когда ум начал ощущать сладость (χρηστότης) Всевышнего Духа, тогда, должно это знать, благодать начинает как будто живописать в нас образ и подобие Божие, так что это ощущение сладости Св. Духа показывает, что мы начинаем образовываться по подобию Божию, а совершенство подобия узнаем из освещения»²¹. Здесь наконец проясняются окончательный смысл и значение эстетики аскетизма. Духовное наслаждение подвижника является не только самоцелью подвига, но и знаком его внутреннего преобразования, обретения утраченного со времен Адама «образа и подобия Божия» и в конечном счете слияния с Богом в акте бесконечной любви.

Духовные наслаждения доступны не только аскетам, полностью порвавшим с миром, но и христианам, ведущим обычную жизнь в обществе в согласии с евангельским учением. К ним обращены многие Слова и проповеди известных исихастов поздней Византии.

Способность к духовному созерцанию каждый человек может развить в себе сам, а результат его даруется Богом. Только он, полагает Палама, {428} в состоянии дать человеку наслаждение (η; δονή), не смешанное ни с какой печалью, ибо только в созерцании Бога может достичь созерцающий «радостного насыщения» (Ibid. T. 151, Col. 40 C, 41 C). Палама, обращаясь к мирянам, не призывает их полностью отказываться от любви к миру и от чувственных наслаждений, но утверждает, что многие из них сопряжены с греховными действиями и их любителей ожидает геенна огненная. Другие чувственные наслаждения, если они не очень вредны сами по себе, то преходящи и соседствуют с печалью, скорбью, страданием. Только «наслаждение души, происходящее от Бога и от божественных вещей, является чистым, бес-

²¹ Цит. по: Византийские церковные мистики 14-го века: (Препод. Григорий Палама, Николай Кавасила и препод. Григорий Синаит) / Исследование епископа Алексия. Казань. 1906. С. 45.